

Стерн Лоренс

**Сентиментальное
путешествие по Франции и
Италии (Sentimental journey)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.85
ББК 75.81
Л78

Л78 **Лоренс С.**
Сентиментальное путешествие по Франции и Италии (Sentimental journey) /
Стерн Лоренс – М.: Книга по Требованию, 2022. – 177 с.

ISBN 978-5-519-75463-7

ISBN 978-5-519-75463-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО ФРАНЦІИ И ИТАЛІИ.

— Во Франціи это устроено лучше... сказалъ я.

— А вы были во Франціи? сказалъ мой собесѣдникъ, быстро поворачиваясь ко мнѣ съ выраженіемъ самаго вѣжливаго превосходства надо мною.

«Странно», подумалъ я, разсуждая объ этомъ съ самимъ собою, «что переходъ подъ парусами въ двадцать одну минуту, — потому что отъ Дувра до Калэ рѣшительно не дальше, — можетъ дать чело вѣку такое преимущество!» Надо удостовѣриться. И, прекративъ споръ, я прямо пошелъ домой и уложилъ полдюжины сорочекъ и черную пару шелковыхъ панталонъ.

— Кафтанъ сойдетъ и тотъ, что на мнѣ, сказалъ я, взглянувъ на рукавъ, и взялъ мѣсто въ дуврскомъ дилижансѣ. Пакеботъ поднялъ паруса въ девять часовъ на слѣдующее утро, и въ три я уже сидѣлъ за столомъ передъ фрикасе изъ цыплятъ до того несомнѣнно во Франціи, что умри я въ эту ночь отъ несваренія желудка, то и цѣлый

міръ не избавилъ бы моихъ вещей отъ *droits d'aubaine* *). Мои рубашка и пара черныхъ шелковыхъ панталонъ, мой чемоданъ и все, достались бы французскому королю; даже маленькій портретъ, который я такъ давно ношу и о которомъ я такъ часто говорилъ тебѣ, Элиза, что унесу его съ собою въ могилу, и его бы сорвали у меня съ шеи! Что за скарედность! Какъ, завладѣть останками непредусмотрительнаго путешественника, котораго ваши подданные заманили на свой берегъ! Клянусь небесами, государь! это нехорошо; и меня весьма печалитъ, что я принужденъ убѣждать монарха такого образованнаго и вѣжливаго народа, столь славнаго своимъ умомъ и тонкими чувствами!..

Но я едва вступилъ въ ваши владѣнія...

Калэ.

Пообѣдавъ и выпивъ за здоровье французскаго короля, ради того чтобъ убѣдить себя, что я не чувствую къ нему никакой злобы, а напротивъ высоко чту его за человѣчный характеръ, — я всталъ и, благодаря этому примиренію, выросъ на цѣлый дюймъ.

— Нѣтъ, сказалъ я, — Бурбоны никоимъ образомъ не жестокой породы; они могутъ заблуждаться, какъ

*) Всѣ вещи иностранцевъ (за исключеніемъ швейцарцевъ и шотландцевъ), умершихъ во Франціи, конфискуются въ силу этого закона, хотя бы наслѣдникъ былъ на лицѣ; доходъ отъ этихъ случайныхъ выгодъ сданъ на откупъ, а потому исключенія ни для кого не полагается.

Авт.

и другіе люди, но въ ихъ крови есть кротость. При такомъ сознаніи я почувствовалъ, что кровь какъ-то нѣжнѣе приливаетъ къ моимъ щекамъ, какъ-то теплѣе и человѣколюбивѣе, чѣмъ то могло произвести бургонское, по крайней мѣрѣ то, какое я пилъ, по два франка за бутылку.

— Боже праведный! сказалъ я, отодвигая ногою въ сторону чемоданъ, — что же такое есть въ земныхъ благахъ, что изъ-за нихъ мы раздражаемся, что изъ-за нихъ походя такъ жестоко ссорится столько нѣжныхъ сердцемъ братьевъ?

Когда человѣкъ примирится съ человѣкомъ, то въ его рукѣ тяжелѣйшій изъ металловъ кажется куда легче пуха! Онъ вынимаетъ кошелекъ, и весело, не сжимая, держитъ его, и поглядываетъ во-вкругъ, какъ будто ищетъ, съ кѣмъ бы раздѣлить его. И, поступая такъ, я чувствовалъ, что во мнѣ расширяется каждая жилка; артеріи били въ радостномъ темпѣ, и всякая поддерживающая жизнь сила совершала свое дѣло со столь незначительнымъ треніемъ, — что было отъ чего смутиться самой во всей Франціи свѣдущей по физикѣ *grésieuse*, и она со всѣмъ своимъ матеріализмомъ едва ли назвала бы меня машиной.

— Я увѣренъ, сказалъ я, — что опровергнулъ бы ея ученіе.

Эта мысль въ тотъ же мигъ возвысила во мнѣ природу до той высоты, на какую она только могла подняться; сперва я примирился съ міромъ, и кончилъ примиреніемъ съ самимъ собою.

— Будь я французскимъ королемъ, вскричалъ я, —

то сиротѣ не найти бы лучшей минуты, какъ сейчасъ, чтобъ просить меня о возвращеніи ему отцовскаго чемадана.

Монахъ.

Калѣ.

Едва я проговорилъ эти слова, какъ въ комнату, за подаяніемъ на монастырь, вошелъ бѣдный монахъ ордена св. Франциска. Никто не обращаетъ вниманія на то, какъ его добродѣтели становятся игрушкой случайности; одинъ человѣкъ можетъ быть великодушнымъ, а другой могущественнымъ, — sed pop quoad hanc, — или какъ бы то ни было, потому что не существуетъ правильнаго сужденія относительно приливовъ и отливовъ въ расположеніи нашего духа; насколько я знаю, они могутъ зависѣть отъ тѣхъ же причинъ, что вліяютъ и на морскіе приливы, — и для насъ часто не было бы никакого безчестія въ такомъ предположеніи. По крайней мѣрѣ, что надлежитъ до меня, то я во многихъ случаяхъ былъ бы гораздо болѣе доволенъ, еслибъ говорили, что «я подъ вліяніемъ мѣсяца совершилъ поступокъ, въ которомъ нѣтъ ни грѣха, ни стыда», чѣмъ слышать, какъ выдаютъ за мое собственное дѣяніе и дѣло то, въ чемъ довольно и того, и другого.

Но какъ бы то ни было, въ тотъ мигъ, какъ я взглянулъ на него, я рѣшилъ не давать ему ни су; и, согласно съ этимъ, я положилъ кошелекъ въ карманъ, застегнулъ его, нѣсколько оправился и съ важнымъ видомъ пошелъ по направленію къ мо-

наху. Опасаюсь, что въ моемъ взглядѣ было нѣчто отталкивающее; у меня, въ настоящую минуту, его лицо какъ передъ глазами, и я думаю, что въ немъ было нѣчто, заслуживавшее лучшаго обращенія. Монаху, судя по распространенію его тонзуры, отъ которой уцѣлѣли всего нѣсколько отдѣльныхъ сѣдыхъ волосковъ на вискахъ могло быть около семидесяти; судя же по глазамъ и по тому огню, который горѣлъ въ нихъ и былъ умѣренъ скорѣе выдержкой, чѣмъ годами, ему не могло быть болѣе шестидесяти; правда можетъ быть на серединѣ: ему, конечно, было шестьдесятъ пять. Такой счетъ подтверждалъ и общій видъ его лица, хотя казалось, что морщины на немъ появились отъ чего-то преждевременно.

То было одно изъ лицъ, какія часто рисовалъ Гвидо: кроткое, блѣдное, проникающее, свободное отъ всѣхъ пошлыхъ идей жирнаго и самодовольнаго невѣжества, смотрящаго внизъ въ землю; онъ глядѣлъ прямо впередъ, но такъ, какъ будто смотрѣлъ на нѣчто внѣ здѣшняго міра. Какъ такая голова досталась францисканцу, знаютъ лучше небеса горѣ, посадившія ее на монашескія плечи; она шла бы брамину, и еслибъ я повстрѣчалъ ее въ долинахъ Индостана, то проникся бы къ ней почтеніемъ.

Остальную его фигуру можно изобразить нѣсколькими чертами; ее можно бы дать нарисовать кому придется: въ ней не было ничего изящнаго, или чего нибудь такого, что не зависѣло бы отъ характера, или выраженія; она была тонка и худощава, нѣсколько выше средняго роста, но послѣднее преи-

мущество скрадывалось тѣмъ, что онъ стоялъ склоняясь впередъ; но у нея былъ умоляющій видъ, и теперь, являясь въ моемъ воображеніи, она скорѣе выигрываетъ, чѣмъ теряетъ отъ этого.

Сдѣлавъ по комнатѣ три шага, онъ остановился, и прижалъ лѣвую руку къ груди (въ правой онъ держалъ тонкій походный посохъ); когда я близко подошелъ къ нему, то онъ кратко изложилъ исторію нуждъ своего монастыря и бѣдности ихъ ордена, и рассказалъ ее съ такой простотой и граціей, и въ его взглядѣ, и во всей его фигурѣ было столько мольбы, что если я не былъ тронутъ ею, то вѣроятно отъ того, что былъ заколдованъ...

Важнѣйшей причиной было то, что я предрѣшилъ не давать ему ни су.

Монахъ.

Калѣ.

— Все это вполне справедливо, сказалъ я въ отвѣтъ на его приподнятый кверху взглядъ, которымъ онъ заключилъ свою рѣчь, — все то вполне справедливо и пусть небо поможетъ тѣмъ, у кого нѣтъ иныхъ средствъ, кромѣ общественной благотворительности; но я опасуюсь, что ея запасовъ нехватитъ для удовлетворенія множества огромныхъ притязаній, которыя ежечасно предъявляются къ ней.

Когда я произносилъ слова огромныя притязанія, то онъ слегка глянулъ внизъ, на рукавъ своей рясы; я почувствовалъ всю силу этой аппеляціи.

— Согласенъ, сказалъ я, — что грубая одежда, которая выдается на три года, и постная пища — не великая вещь; но самое печальное въ томъ, что ихъ можно добыть при помощи небольшого труда, а вашъ орденъ желаетъ приобрѣсти ихъ, черпая изъ того фонда, который составляетъ собственность хромыхъ, слѣпыхъ, престарѣлыхъ и немощныхъ; плѣнникъ, лежа на голой землѣ, считаетъ и пересчитываетъ дни своихъ мученій, и томится, въ ожиданіи своей доли изъ этого же фонда... И принадлежи вы не къ ордену св. Франциска, а къ ордену Милосердія, то, какъ я ни бѣденъ, продолжалъ я, указывая на свой чемоданъ, — я съ великою радостью открылъ бы его ради выкупа несчастнаго.

Монахъ поклонился мнѣ.

— Но, заключилъ я, — изъ всѣхъ несчастныхъ, наши соотечественники несомнѣнно имѣютъ наибольшее право на помощь, а на нашемъ берегу тысячи остались въ крайности...

Монахъ сочувственно покачалъ головою, какъ бы желая сказать: «несомнѣнно, въ каждомъ уголкѣ земли столько же бѣдности, какъ и въ нашемъ монастырѣ».

— Но мы, добавилъ я, дотронувшись, въ отвѣтъ на его аппеляцію, до рукава его рясы, — мы различаемъ, добрый отецъ, тѣхъ, кто желаетъ питаться только заработаннымъ хлѣбомъ, отъ тѣхъ, которые ѣдятъ чужой хлѣбъ и не имѣютъ въ жизни иной цѣли, какъ влачить ее въ лѣности и невѣжествѣ, ради любви къ Богу.

Бѣдный францисканецъ ничего не отвѣчалъ; ча-

хоточный румянецъ на мгновеніе появился на его щекахъ, и исчезъ. Природа въ немъ, повидимому, уже не обнаруживала чувства злобы: онъ ничѣмъ его не выказалъ; онъ взялъ посохъ подъ мышку, и съ чувствомъ самоотреченія прижалъ обѣ руки къ груди, и вышелъ.

Монахъ.

Калѣ.

Сердце у меня екнуло, когда за нимъ затворилась дверь.

— Э!—съ беззаботнымъ видомъ трижды сказалъ я себѣ.

Но это не помогло; всѣ сказанныя мною злобныя слова толпились въ моемъ воображеніи; я подумалъ, что былъ въ правъ только отказать бѣдному францисканцу, и что такого наказанія, безъ прибавки жесткихъ словъ, было бы вполне достаточно для обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ. Мнѣ вспомнились его сѣдые волосы; мнѣ казалось, что его привѣтливый образъ снова входитъ и ласково спрашиваетъ меня: чѣмъ онъ меня обидѣлъ? и почему я дозволилъ себѣ такъ обращаться съ нимъ? — Я готовъ былъ заплатить двадцать фунтовъ адвокату за совѣтъ.

— Я велъ себя весьма дурно, сказалъ я про себя; — но я только что начинаю путешествовать, и въ дальнѣйшемъ пути научусь лучшему обращенію.

La désobligeante.

Калѣ.

Впрочемъ, когда человѣкъ не доволенъ самимъ собою, то отъ этого для него та выгода, что онъ приходитъ въ прекрасное расположеніе духа для заключенія торговой сдѣлки. Въ виду того, что по Франціи и Италіи нельзя путешествовать безъ коляски, а равно и того, что природа вообще направляетъ насъ къ предметамъ наиболѣе для насъ пригоднымъ,—я отправился на почтовый дворъ, чтобъ купить или взять на прокатъ что либо подходящее для моей цѣли. Старая *la désobligeante**); въ самомъ дальнемъ углу двора, сразу понравилась мнѣ; я тотчасъ же влѣзъ въ нее, и найдя, что она въ достаточной степени гармонируетъ съ моими чувствами, приказалъ сторожу позвать *monsieur* Дессеня, хозяина гостинницы. Но *monsieur* Дессень ушелъ къ вечернѣ, а я, не желая встрѣтиться съ францисканцемъ, который, какъ я видѣлъ, разговаривалъ на другой сторонѣ двора съ дамой, только что пріѣхавшей въ гостинницу,—закрылся отъ него тафтяной занавѣской и, имѣя намѣреніе описать мое путешествіе, вынулъ перо и бумагу и сталъ писать предисловіе въ *la désobligeante*.

*) Коляска, называемая такъ во Франціи потому, что въ ней можно помѣститься только одному.

Авт.

Предисловіе.

Bz la désobligeante.

Не одинъ перипатетическій философъ долженъ бы замѣтить, что природа своей непререкаемой властью положила извѣстные предѣлы и преграды ради ограниченія человѣческаго недовольства. Она достигаетъ своей цѣли самымъ спокойнымъ и легкимъ образомъ, налагая на человѣка почти непреодолимая обязательства трудиться ради собственнаго спокойствія и переносить свои страданія въ своемъ отечествѣ. Только тутъ снабжаетъ она его наиболѣе подходящими лицами, принимающими участіе въ его благополучіи и несущими часть того бремени, которое, всюду и во всѣ времена, оказывалось слишкомъ тяжкимъ для одной пары плечъ. Правда, мы одарены не весьма совершенной способностью распространять свое благополучіе за указанные ею предѣлы; но порядокъ вещей таковъ, что вслѣдствіе незнанія языковъ, отсутствія сношеній и связей, а равно въ силу различія въ воспитаніи, въ нравахъ и обычаяхъ, мы встрѣчаемъ множество препятствій въ обнаруженіи нашихъ чувствованій внѣ собственной сферы, и эти препятствія часто переходятъ въ полную невозможность.

Отсюда не премѣнно слѣдуетъ, что балансъ умственнаго общенія всегда оказывается не въ пользу удалившагося изъ отечества искателя приключеній; то, въ чемъ онъ мало нуждается, ему приходится покупать по чужой цѣнѣ: предлагаемое же